

85-летию Игоря Ивановича Шевченко посвящая

И.П. Медведев

**НОВОНАЙДЕННЫЙ ТЕКСТ ПИСЬМА
МАКСИМА КАТИЛИАНОСА:
ЕЩЕ ОДНА ПОДДЕЛКА КАРЛА БЕНЕДИКТА ГАЗЕ?**

Похоже, что автору этих строк теперь уже никогда не расстаться с именем парижского эллиниста (немца по происхождению) Карла Бенедикта Газе (1780–1864): оно постоянно напоминает мне о его носителе, причем как в положительном, так и в отрицательном контексте его деятельности. В первом случае речь может идти об осуществленном им, по поручению и на средства русского канцлера графа Николая Петровича Румянцева, *editio princeps* «Истории» одного из крупнейших византийских авторов второй половины X в. Льва Диакона¹; во втором – о не очень-то благовидных поступках Газе, связанных с изготовлением (в ответ на просьбы Румянцева найти среди неизданных рукописей византийских авторов нечто имеющее отношение к «истории моего Отечества» и обещания щедро вознаградить за подобную услугу) знаменитой фальшивки, так называемой «Записки Готского топарха»², а может быть, не только ее. Одной из таких, пока еще только предполагаемых, подделок Газе и посвящается настоящая публикация.

Прежде всего – о двух документах, уже опубликованных американским исследователем Игорем Шевченко, который первым «озаботился» этой необычной стороной деятельности знаменитого филолога³. По-видимому, где-

¹ *Медведев И.П.* Новые данные по истории первого издания Льва Диакона // ВВ. 2002. Т. 61. С. 5–23 (переработанный вариант статьи под заглавием «Петербургский грант Парижу на изд. Льва Диакона» включен в кн.: *Медведев И.П.* Петербургское византиноведение: Страницы истории. СПб., 2006. С. 33–60). См. также: *Он же.* Малоизвестный проект первого издания «Хронографии» Михаила Пселла // ВВ. 2001. Т. 60. С. 183–191; *Он же.* Письма Карла Бенедикта Газе в архиве Ф.И. Круга // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 522–583; *Он же.* Россия как «спонсор» европейской исторической науки в начале XIX в. (граф Н.П. Румянцев и его парижские партнеры) // Исторические записки. 2005. Т. 8. С. 364–389.

² *Он же.* К вопросу о неподлинности так называемой «Записки Готского топарха» // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения. СПб., 2003. С. 160–172 (греческий вариант статьи под заглавием «История одной подделки» опубликован еще в 2000 г. в фесалоникском журнале: *BYZANTINA*. 2002. Т. 21. С. 237–249).

³ Впрочем, отмечаемая в литературе «сенсационность» открытия И. Шевченко окажется относительной, если принять во внимание, что и наши старые ученые уже догадывались об истине. Так, А.А. Васильев в своей рецензии на переиздание «Записки Готского топарха» Вестбергом, размышляя об исчезновении рукописи с текстом записки, высказывал такое мнение: «Трудно предположить вообще о ее совершенной пропаже, и подобное таинствен-

то в июне 1816 г. (письмо не датировано) граф Н.П. Румянцев самолично пишет к Газе большое письмо, в котором находит отражение его незаурядная ученость и в котором он между прочим касается следующего вопроса: «Хотел бы знать, месье, не смогут ли Ваши обширные знания о византийцах помочь Вам прояснить, что это за город Сур или Сурож был в Восточной империи, о которой не раз упоминают наши летописи? И вот что может навести Вас на путь. Наша церковь празднует 15 декабря память св. Стефана, который в VIII в. был архиепископом этого города во времена владычества греческих императоров. Это один из тех прелатов, борьба⁴ которых за иконы имела место в царствование Льва Исавра, и, признаюсь, я всегда поражаюсь, не встречая упоминаний о нем в различных сборниках житий святых, которых латинская церковь признает за таковых. Наши легенды говорят, что, родившись в Каппадокии, в пятнадцатилетнем возрасте он появился в Константинополе в царствование Феодосия Адрамитянина, что патриарх Герман посвятил его в архиепископы Сура или Сурожа, что он отправился туда морем и что за пять лет он обратил в христианство не только всех жителей города, но и жителей всей округи. Заметьте, месье, наши легенды утверждают, что этот прелат находился под особым покровительством императрицы, супруги Константина Копронима, которая умолила своего мужа, чтобы именно он (Стефан) крестил их сына Льва, будущего императора. Что еще может помочь нам, месье, так это описание путешествия одного из наших архиепископов по имени Пимен, который, отправившись из Азова 1 июня 1389 г. в Константинополь, 5 июня проехал мимо Кафы и Сура или Сурожа. Из этого по необходимости явствует, что Сур или Сурож, составляющий предмет моего любопытства, или же находился в Крыму, на том же берегу, что и Кафа, или на противоположном берегу Таманского [полу]острова. Возможно, этот город носил у византийцев другое имя, но его географическое местоположение приблизительно определено, и Вы, может быть, дадите мне средство определить его точно, найдя у византийцев сведения об архиепископе Стефане, которому покровительствовала императрица, супруга Константина Копронима, которая, если мне не изменяет память, была хазаркой. Стоит также отметить, что в житии этого святого, как оно выглядит в наших минеях, некий Филарет унаследовал после смерти Стефана его архиепископию. Нет ли подписей обоих этих архиепископов в актах соборов, как иконоборческих, так и тех епископских соборов, что им противостояли? И как в этом случае обозначалось их архиепископство? Не было ли в Крыму готской церкви и (если да, то) где находилось ее местоположение? Где-то существует перечень всех христианских метрополий, которые в VIII в. находились в пределах Восточной империи? Пусть даже они признавали, как и раньше, иерархию константинопольских патриархов или же, по причине иконоборческой схизмы, находились в эту эпоху под властью пап»⁵.

ное исчезновение рукописи вместе с неопределенным описанием ее у самого Газе может иногда наводить даже на сомнения, несколько обидные для памяти такого глубокого филолога, как издатель Записки, то есть Газе» (ВВ. 1904. Т. 11. С. 621).

⁴ В французском оригинале – слово *le zèle* («рвение»), которое у И. Шевченко (см. примеч. 5, с. 181) прочитано неверно как *le rôle*, правда, со знаком вопроса.

⁵ Французский оригинал письма сохранился в черновике: Отдел рукописей РГБ. Ф. 255. Картон 5. Ед. хр. 34. Л. 1–1 об. Издан: *Ševčenko I. The Date and Author of So-called Fragments of Toparcha Gothicus // DOP. 1971. Vol. 25. P. 180–182. Pl. 13–14.* Полный перевод письма на

В ответ Газе «разразился» огромным письмом от 7 июля 1816 г., которое, мне кажется, заслуживает быть приведенным полностью (в моем переводе с французского): «Вопрос о географическом положении Сура или Суража (sic!) мог бы стать предметом любопытного исследования. Желая немедленно ответить Вашей Светлости, я изложил здесь (может быть, несколько поспешно), что я думаю по этому поводу. Покажутся ли мои предположения Вашей Светлости приемлемыми или нет, пусть решит Она сама, как воспользоваться этими разрозненными рассуждениями.

Согласно маршруту архиепископа Пимена, мы должны предположить, что Сураж находится недалеко от пролива Кафы, то бишь в Крыму, пусть даже на противоположном берегу Азии. Не думаю, что его нужно искать в стране авазгов, в Зикхии византийцев. Во-первых, мы чересчур удалимся от пролива; затем – по всему периметру Понта Эвксинского именно побережье от Таманского [полу]острова и вплоть до Диоскурии [Iskuria] – это та территория, которой восточные императоры владели меньше всего по времени. Уже в VI в. у них здесь не было больше никакой власти (Прокопий, *Bello Gotthic. I. 572 B*), а если в 1022 г. Василий II и вернул ее (Cedren. II. 718 D), то владычество его отнюдь не было продолжительным. Греческие гарнизоны, расположенные на этом далеком побережье, населенном дикими и воинственными народами, уже вскоре должны были захиреть, не имея, как в Крыму, широких проливов для собственной защиты. Не ищущи я Суража и на Таманском [полу]острове. Нам известно имя установленной в этой стране митрополичьей кафедры: «Тмутаракань» на Руси (см. Древнюю историю Азова и Крыма в собрании сочинений Мюллера, том II, 1 стр. 71. СПб., 1736.8 и Записку графа Мусина-Пушкина о надписи Глеба, которая фигурирует также и в путешествии Палласа от 1793–1794 гг., том II, стр. 184, нем. изд.) и «Таматарха» (Ταμάταρχα) или «Метраха» (Μετραχά) у византийцев. Первое из этих двух имен есть у Константина (*De administrando imp. 113 E. F.*), второе – у Le Quien. *Oriens Christianus I, 1326 A.* Кроме того, там было (по крайней мере какое-то время) епископство в Фанагории (Le Quien, *ibid.*).

Остается, стало быть, только Крым, и именно в южной части этого полуострова я и льщу себя надеждой встретить город Сураж [= Сурож]. Я полагаю, во-первых, что он был известен у греков под именем «Сарат» (Σαράτ); и, во-вторых, что, разросшись в XIII в., он стал Солдайей генуэзцов и, следовательно, нынешним Судаком, руины, фортификации и необычное расположение которого привлекали внимание почти всех новейших путешественников. Вот, Монсеньор, те основания, на которых я строю два моих предположения:

1. «Страна патцинаков (*De administrando imp. 112 F. [ch. 42, 62–64 = p. 184, eds. Moravcsik-Jenkins]*) занимает всю землю от России и Боспора до Херсона, Сарата, Бурата и тридцати краев». Стало быть, патцинаки занимали всю внутреннюю часть полуострова, за исключением крутого побережья, окаймляющего полуостров с юга. «Тридцать краев» – это то же, что и «тридцать климатов» (*Banduri. Animadvers. in Constantini. De administrando imp. 112 F.*), близ мыса Балаклавы. Мне ничего неизвестно о Бурате, который,

русский см.: *Медведев И.П.* Россия как «спонсор»... С. 356–367 (я почему-то счел возможным датировать письмо началом июля 1816 г., что неверно).

может быть, находился в окрестностях Никиты, а Сарат, мне кажется, следуя побережью, должен естественным образом попасть на нынешний Судак.

2. Что меня особенно заставляет верить в идентичность Сарата и Судака, так это одно неизданное письмо, хранящееся в нашей Библиотеке. Оно писано Максимом Катилианосом, личностью, неизвестной по другим источникам. Этот любопытный памятник – свидетельство неумелости (l'impèritie) греческих моряков в XIV в. – не имеет даты, но, поскольку он находится посреди писем патриарха Афанасия (1289–1311 [поправка И. Шевченко: 1289–93; 1303–09]), то позволительно предположить, что он адресован именно этому прелату (впрочем, его хронологическая точность не имеет здесь особого значения). Ваша Светлость увидит, что Катилианос, вынужденный покинуть Анхиал (не потому ли, что болгары угрожали взять этот город или уже взяли его?), претерпел кораблекрушение у крутых берегов Крыма; что он достиг города по имени Сарат, расположенного на скале недалеко от моря и что он на следующий день отправился в Кафу. Не думает ли Ваша Светлость, что в окрестностях этого последнего города есть, пожалуй, только Судак, к которому и подходят все эти приметы?

Но, скажут мне, если несомненно, что Сарат – это греческое имя Судака, как доказать идентичность Судака и Суража? Вот, Монсеньор, несколько соображений, которые могут, по крайней мере привести к некоторой гипотезе.

3. У армянских авторов упоминается одно местечко по невнятному названию Сур-гат и Су-дак, которое, конечно, есть не что иное как нынешний Судак. Сур-гат, согласно армянам, был расположен в восточной части Крыма, на расстоянии пяти географических миль от Кафы. Армянский архиепископ Степан Аронц сообщает (*Géographie, Partie II. Tome II, p. 329*), что армянская колония обосновалась там после того, как город Ани был разрушен и разорен магометанами в 1320 г. по Р. Х.

4. Впрочем, Судак – это, если и не античный город, то, по крайней мере город, который существовал еще до появления генуэзцев в Крыму. Мадам Guthrie (*A tour through Taurida etc. London, 1802. 4. P. 127*) утверждает, что уже в 786 г. он был резиденцией какого-то архиепископа. Уже этот факт, подтвердись он, был бы достаточен в качестве доказательства для моей гипотезы. Признаюсь, однако, что мне не удалось найти источника, которым мадам Guthrie воспользовалась для своего утверждения.

5. Добавим к этим выводам маршрут Пимена, которым он, миновав Кафу, направился, скорее всего, к западу в сторону Константинополя. Отправиться из Кафы к Анапе или Sotchouk-Kalé означало бы вернуться назад. А ведь Судак (или Солдайя) был тогда единственным значительным городом на побережье от Кафы до мыса Балаклава.

6. Наконец, кажется, что татарское название Су-даг («гора Су») – это производное от слова Сур и что оно содержит в себе также первый слог названия Сураж. Поскольку я всегда остерегаюсь гипотез, основанных на простом совпадении звуков, я бы не стал отмечать это сходство, но в сочетании с другими фактами оно, если я не ошибаюсь, усиливает степень вероятности в моем предположении.

Признаюсь, однако, что есть еще несколько трудностей, решить которые мне одному не дано. Так, может показаться странным, что греки, которые столь часто говорят о епископствах Херсона (*Le Quien, I. 1329*) и Боспо-

ра (ibid. I. 1327), никогда не упоминают архиепископства Сарата. Означает ли это, что епископство Боспора и архиепископство Сарата – это лишь нечто одно и то же, что резиденция этих прелатов в разные эпохи находилась то в одном из этих двух городов, то в другом, и византийцы всегда называли их епископами Боспора, в каком бы месте не находилась на тот момент их резиденция?

Как бы то ни было, Монсеньор, я полагаю, что доказал возможность, по крайней мере идентичности Судака и константинова Сарата. Что же касается идентичности Сарата и Суража, Вашей Светлости решать, согласуется ли мое предположение с теми сведениями об этом последнем городе, что содержатся в русских летописях. Может быть, я смог бы придать моему мнению большую степень вероятности, если бы поработал с трудами русских и немецких авторов, но я нахожусь в Библиотеке (а я мог бы сказать и в городе), где почти что нет первых и весьма мало вторых. Будучи ограничен, следовательно, греческими авторами, буду считать себя счастливым всякий раз, когда у этих последних, а также в большом количестве исторических и географических примечаний, собранных мною при изучении неизданных текстов нашей Библиотеки, найдется несколько деталей, которые могут помочь разысканиям Вашей Светлости.

Я бы не хотел откладывать отсылку моей маленькой диссертации (ma petite dissertation), но я надеюсь, что через пару недель смогу Вам отправить всю совокупность корректур Льва (Диакона), печатание которого завершено. Сейчас печатаются приложения (des notes) и меня уверяют, что к концу года все будет окончено. Мне не терпится дать знать ученой Европе, насколько я проникнут чувствами признательности и уважения, с которыми я имею честь быть, Монсеньор, покорнейшим слугою Вашей Светлости. К.Б. Газе. Париж, 7 июля 1816 г.»⁶.

* * *

Не правда ли, перед нами весьма содержательное письмо, которое, казалось бы, заслуживало внимания специалистов в этой области, и тем не менее, будучи уже давно опубликованным, оно остается невостребованным (в частности и отечественными издателями комментированного «русского Константиана Багрянородного»⁷). Возникает вопрос: почему? По незнанию или в результате принятия к сведению «вердикта» Игоря Шевченко, отнесшего и это отождествление Сурожа–Сарата–Судака Карлом Бенедиктом Газе (со ссылкой на свидетельство никогда не существовавшего Максима Катилианоса) к разряду выдумок Газе? Основные аргументы Шевченко следующие: 1. Упоминаемый Константином Багрянородным Сарат локализуется современными учеными не в Крыму, а на территории нынешней Румынии и отождествляется ими не с городом, а с рекой Серет (ссылка на Дженкина, Моравчика, Диакону, Нистазопулу). 2. И главное. Ни в одной из до-

⁶ Французский оригинал опубликован: *Ševčenko I. The Date and Author...* P. 182–185. Pl. 15–22.

⁷ *Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989 (содержащийся в издании греческий текст подлинника является репринтным воспроизведением критического издания Д. Моравчика и Р. Дженкина).*

шедших до нас рукописей с письмами патриарха Афанасия I, просмотренных de visu, или же по современным каталогам и изданиям, включая полное издание его корреспонденции, осуществленное А.-М. Галбот, не содержится никакого текста письма «Катилианоса» (дается внушительный список), на основании чего делается вывод, что или рукопись с текстом письма Катилианоса бесследно исчезла, или же, скорее всего, ее никогда не существовало. 3. Сама фамилия «Катилианос» могла встретиться Газе в известном ему труде Монфокона «Palaeographia Graeca» (1708), где упомянут умерший в 1629 г. епископ Киферы Дионисиос Катилианос (письма его были опубликованы в 1740 г. во Флоренции)⁸. Любопытно отметить, что у Шевченко, по-видимому, даже не возникло мысли о возможном снятии Карлом Бенедиктом Газе копии с предполагаемого текста и о ее отсылке в Петербург, хотя некоторые намеки на это в письме Газе к Румянцеву содержатся.

Между тем рукопись с текстом письма (автограф Газе) обнаружена мною, причем в несколько необычном месте – в архивном фонде небезызвестного в истории русской культуры деятеля, Алексея Николаевича Оленина (1763–1843), т.е. человека, который был связан с графом Н.П. Румянцевым и с К.Б. Газе, проявлял жгучий интерес к осуществлявшемуся в Париже изданию «Истории» Льва Диакона, его переводу на русский язык и т.д.⁹ Рукопись, о которой идет речь (Отдел рукописей РНБ. Ф. 542. № 73. Л. 1–3 об., образуют тетрадь, сшитую голубой нитью), содержит писанный рукой Газе в два столбца (en regard) греческий текст письма Максима Катилианоса и его, выполненный Газе, перевод на латинский язык. Вопреки архивной записи на синей обложке, гласящей «выписка из неустановленной рукописи под названием «Maximi Cateliani»», Газе сверху листа 1 собственноручно пометил происхождение текста: «Ex codice additicio N 72», а на поле справа листа 3 указал даже лист оригинала – Fol. 275 verso (т.е. весь текст занимал в оригинале листы 274–275 об.). Другое дело, что парижская рукопись № 72 из фонда Supplément grec Национальной библиотеки, которая, по-видимому, и имеется в виду, не содержит ни корреспонденции патриарха Константинопольского Афанасия I, ни текста письма Максима Катилианоса¹⁰.

Таким образом, Газе, указав (в отличие от «дела» с Запиской Готского топарха) точные данные о происхождении текста, допустил оплошность, фактически выдал себя. И тем не менее мне не хочется убирать из заглавия статьи знак вопроса. Пусть все же научная общественность решит, имеем ли мы и в этом случае дело с еще одной подделкой знаменитого ученого, тем

⁸ Ševčenko I. The Date and Author... P. 170–171.

⁹ См. о нем: *Медведев И.П.* Алексей Николаевич Оленин как византист // Русская история и историческая мысль в XIX–XX вв. Сб. ст. к 75-летию А.Н. Цамутали. СПб. (в печати).

¹⁰ См. вышедший недавно из печати прекрасный каталог данного фонда Парижской Национальной библиотеки: *Catalogue des manuscrits grecs. Supplément grec numéros 1 à 150 / Bibliothèque Nationale de France; [rédigé] par Charles Astruc, Marie-Louise Concasty, Cécile Bellon... [et al.]*. P., 2003. P. 172 (cod. 72 содержит на самом деле снабженный рукописными примечаниями печатный текст трагедии Софокла «Царь Эдип», изданной в 1634 г. Себастьяном Крамуази). Мой друг Жан-Мари Оливье, которому я и обязан указанием на данный каталог, подчеркивает в письме от 8 декабря 2005 г., что и в указателе к каталогу не значится никакого Максима Катилианоса, и растерянно вопрошает: «Кто скопировал найденный тобой текст? В бумагах какого эрудита? Каков инципит текста?», а получив мои разъяснения, восклицает (письмо от 15 декабря 2005): «Je pense que tu as sans doute encore un faux de Hase».

более, что здесь должны были бы сказать свое веское слово филологи-лингвисты, подвергнув экспертизе греческий язык памятника. Ясно, что текст составлен с интенсивным использованием «Одиссеи», на которую автор письма и ссылается, приведя в одном месте даже точную цитату из Гомера и назвав его самого по имени. Византийцу, как вы понимаете, это не возбраняется, но ведь не исключается и то впечатление, которое автор текста мог получить (а затем использовать при составлении текста письма) от прочтения главы пятой вольтеровского «Кандида» («Буря, кораблекрушение, землетрясение и что случилось с доктором Панглоссом, Кандидом и анабаптистом Яковом»), т.е. произведения, которое, как я пытался показать в вышеупомянутой статье, было использовано Карлом Бенедиктом Газе в качестве литературного источника при составлении «Записки Готского топарха»¹¹.

Правда, немного комичными выглядят все стенания автора письма и его товарищей, претерпевших кораблекрушение, хотя ничего из ряда вон выходящего, казалось бы, не происходило, не было происков раздраженного Посидона, которые преследовали Одиссея, не было землетрясения, вызвавшего бурю на море и кораблекрушение в «Кандиде», да и самого кораблекрушения-то в прямом смысле слова не было, ибо корабль, как оказалось, остался целым и невредимым, и все плавание закончилось благополучно. И все это нужно было «городить» с одной целью, чтобы был упомянут якобы расположенный на крымском побережье город Сарат, который можно было бы отождествить со столь интригующим графа Н.П. Румянцева («работодателя» Газе, которого никак нельзя было разочаровывать) Суром–Сурожем.

Предлагаю, вопреки традиции, составить представление о рассмотренном тексте сначала по моему, пусть и весьма несовершенному, переводу, чтобы затем уже воспроизвести фактически приготовленное Карлом Бенедиктом Газе для опубликования издание текста памятника. Итак,

[ПИСЬМО] МАКСИМА КАТИЛИАНОСА

Неисчислимы, дорогой мой, милости господни, идущие свыше, не меньше их присутствует и в настоящее время, по поводу чего я и пишу тебе. Ибо совсем недавно, на девятый день¹² известного тебе месяца, во второй день недели, во втором часу, на нас обрушилась куча бед, когда мы, переплывая из Ан-

¹¹ См. примеч. 2. Если не ошибаюсь, научное сообщество не возражает против такой постановки вопроса. Правда, «печатных» высказываний на этот счет мне не встречалось, но ряд писем со стороны коллег с одобрительной оценкой моей точки зрения мною получено (например, от Жильбера Дагрона, Джонатана Шепарда, Анджея Поппе и др.). В октябре 2000 г. (еще до опубликования статьи) мне довелось выступать с докладом по этой теме в Институте византийских исследований в Афинах, и у меня осталось впечатление, что многочисленные слушатели (а среди них была и такой специалист в этом вопросе, как Мария Нистазопулу) поддержали меня. Наконец, я уж не говорю о позиции Игоря Ивановича Шевченко. Я никогда не забуду о его реакции на сообщенные мною наблюдения (это было, кажется, в 1999 г., во время его приезда в Петербург, мы сидели в ресторане отеля «Европа»): при моем упоминании о вольтеровском «Кандиде» Игорь Иванович вскочил, выпучив глаза, хлопнул себя по лбу и возопил: «Как я, старый дурак, не догадался!». Соответственным было и его письмо ко мне после ознакомления с опубликованной статьей.

¹² Ср. в «Одиссее»: «Девять носился я дней по водам» (XII. 447).

хиала в Трапезунд (о если бы какой-нибудь Иеремия смог достойным образом оплакать наши мучения!), платя должное несчастной судьбе и спустив все паруса, тащились прямым курсом, по большей части при безветрии¹³, пройдя за весь тот и следующий, до вечера, день лишь 300 стадий. Потом, прежде чем солнце полностью скрылось от нас и ушло под землю¹⁴, мощным порывом обрушившегося внезапно, исподтишка, юго-западного ветра нас отбросило на гребне волны так, что и суша тотчас же потерялась из виду, а у всех у нас одновременно вырвался один общий вопль и крик. И еще посреди ночи отнюдь не с улыбкой и радостью, а со слезами и стенаниями (то есть, говоря словами трагика, «с каплями крови из глаз»¹⁵) пелась горестная песнь. И вот мы решили, что лучше спустить паруса и отдать судно во власть ветров, даже если страх, [сопряженный с опасностью], быть унесенными в необъятное море, в котором всегда бушуют холодные бури и которое со всех сторон окружено варварскими племенами, будет не меньше. А тем временем, плывя по возможности поперек¹⁶ и непрерывно поворачивая кормило то направо, то налево, мы спустя пять дней оказались совсем близко к Херсонесу Таврическому. И вот уже кто-то, воздевая руки, благоговейно кланялся Богу, что на небесах; другой – Богоматери. То и дело слышалось: «Слава тебе, Боже, слава тебе», а также в унисон: «Господи, послужи нам защитой до конца», и «о Господи, спаси», «о Господи, веди же нас благоприятным путем», ибо нас беспокоило, чтобы под конец не случилось чего-нибудь непоправимого. И в самом деле, как только мы приблизились к суше (может быть, на расстоянии стадий четырех), послышался какой-то невообразимый грохот волн, ударяющихся о берег¹⁷. Говорили, так всегда обычно бывает, пока не перебесится море, да и местность лишена гаваней, – в точности, как Гомер поступает с потерпевшим кораблекрушение Одиссеем. И тут я сразу вспомнил о тех стихах, в которых он говорит, что тот услышал шум моря у скал¹⁸, погубивший верных товарищей и корабль пустотелый¹⁹ в темном море:

«Волны кипели и выли, свирепо на берег высокий
С моря бросаясь, и весь он был облит соленою пеной;
Не было пристани там, ни залива, ни мелкого места,
Вкруг берега подымались; торчали утесы и рифы»²⁰.

И лишь только

{...} «от реки отошедши,

¹³ В «Одиссее» также при безветрии спутники Одиссея «парус ненужный свернули, сцепили с мачты его, уложили на палубе» (XII. 170–171; пер. здесь и далее В.А. Жуковского).

¹⁴ Ср. в «Одиссее»: «Светоносный под землю спускается Гелиос» (X. 191). И вообще, фраза «Солнце тем временем село (скрылось), и тьма наступила ночная» постоянным рефреном звучит в «Одиссее» (IX. 168; X. 185, 478; XI. 12; XII. 31 и др.).

¹⁵ Euripidis *Necuba*, 240 sq. (примеч. К.Б. Газе. Ср.: *Еврипид*. Трагедии. Т. 1. М., 1980. С. 269. Стихи 240–241: «А из глаз сочились по ланитам капли крови». Пер. Инн. Анненского).

¹⁶ Ср. в «Одиссее»: «Океан в корабле поперек переплывши» (X. 508), «разрезавши море по самой середине» (III. 174).

¹⁷ Ср. в «Одиссее»: «Говор волн, ударяющихся в берег» (IX. 169).

¹⁸ Ср. в «Одиссее»: «Он шум бурунов меж скалами услышал» (V. 401).

¹⁹ Или «корабль крутобокий», как предпочитает переводить В. Жуковский? Ср. III. 61, 286; IV. 255, 409; XI. 508 и др. По-видимому, это же имеет в виду Газе, переводя это словами «*curva ratis*».

²⁰ *Odyss. E*, 402 sqq. (примеч. К.Б. Газе).

Скрылся в тростник, [так] на землю, ее лобызая, простерся»²¹.

Что все это точно так же произошло и со мной, покажет тотчас [моя] речь. Ты, пожалуй, мог бы сказать, что поэт, увидев то бедствие, мог воспеть и его. Ибо, когда мы находились совсем недалеко от вожденной земли (приблизительно на расстоянии брошенного камня), судно, внезапно вынесенное всей толщей волн на воздух, а затем изо всей силы брошенное на одну из скал, казалось, вот-вот лопнет по швам, однако, наподобие алманта, прекрасно выдержало все и на другой день после этого (события) находилось полностью в целости и сохранности. А тогда нам пришлось тут же всем вместе немедленно высадиться, бросившись в море, и, спасаясь то вплавь по волнам, то по мелям (кто, конечно, был в состоянии), добраться до берега. Я же, самый младший из всех, осенив себя крестным знамением и сказав «Христос-жизнедавче», а также «Богородица, помоги мне», стоя в полный рост, спрыгнул в жутко вспучившиеся и вспенившиеся волны. Сперва я по грудь оказался в воде, а затем, прежде чем попытался хоть как-то продвинуться, другая волна, нахлынув сзади, накрыла меня всего с головой, опрокинула и, как мне показалось, неизбежно должна была тут же лишиться меня жизни. Ухватившись все же, как за спасительный якорь, за скалу, которую волна обходила, и попытавшись перейти к другой, весьма близко видимой впереди, я тем не менее оказался в том же самом положении. И снова, как и только что, еще один прилив захлестнул меня и понес за собой, так что скалами, вся поверхность которых была оцетинившейся как бы лезвиями мечей, были расцарапаны и голени, и лодыжки, а где-то и руки; все ноги были облиты кровью, так что потом я долго испытывал боль. Однако наперекор всему поднявшись (не знаю, откуда взялись силы), я снова, едва придя в себя, воскликнул: «Христос, помоги мне», «Пресвятая [Дева Мария]», «Великий Николае», дабы другой и, может быть, больший [вал], нахлынув, не накрыл меня и, унеся за собой, не потопил, не оставив без внимания и некоторых других из тех, что барахтались в воде вокруг меня. И я, уже приободрившись и с большим трудом взойдя на огромный утес, немного передохнул на нем, выплюнув морскую воду и подобрав подол хитона, [а затем], перебирая таким образом мало-помалу ногами и руками одновременно, подобно раку, сквозь копошащихся рядом [товарищей], выбрался на берег, где двое из местных жителей, тут же подбежав и подхватив меня, полумертвого, какой-то отрезок пути несли на себе. Я же, опершись на них и воздев, насколько было можно, руки, радостно возопил: «Слава тебе, Боже милостивый, слава тебе, слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение»²²! Велик ты, Господи, удивительны дела твои, и никакое слово не будет достаточно для прославления чудес твоих!» Наварх же пренесчастный, опираясь также на двух, оказавшихся более сильными, матросов и осведомившись, спасся ли я и выпутался ли, как только встретился со мной, упал вместе с теми на колени передо мной и, расцеловав одновременно и руки, и грудь, и лицо с причитаниями и слезами радости, вызвал и у меня, и у всех чувство невыразимой скорби и целые потоки слез наподобие рек, так как наше положение казалось совсем неподходящим для выражения столь великой радости, и мы, не надеясь на быстрое избавление от ужасов, продолжа-

²¹ Odys. E, 462 sqq. (примеч. К.Б. Газе).

²² Лк. 2.14 (примеч. К.Б. Газе).

ли петь громкую, далеко слышную горестную песнь. Многие же, обнимая друг друга и (прибрежный) песок, орошая (его слезами) и нагибаясь, целовали дорогую землю как живую мать, и часто у всех в унисон звучало: «Слава тебе, Боже!», «Слава тебе, Богородица дева, царица святых ангелов!», а также «Да будет благословенно имя Господне!» И все-таки, дабы не умереть, пострадав от стужи, мы, совершая понемногу уже на рассвете путь через обрывистые скалы, горы, заросли терновника, частые ущелья и бурные потоки, к полудню с трудом забрались на вершину высокой горы в городе Херсонеса по названию Сарат, а обозрев причину скорби и жалкое зрелище, достойное постоянных слез у местных жителей, на следующий день [отбыли] в Феодосию. Затем, спустя восемь дней [выйдя] из нее на латинском судне, пройдя через множество опасностей и трудов между многими приморскими городами и устьями вечно текущих рек, мы с большим трудом, но в целостности и сохранности прибыли в город Трапезунд, под вечер, когда отмечается память великомученика Димитрия. Таковы о нас чудесные заботы всеблагого и человеколюбивого Бога, столькие благодеяния и милости для меня, неблагодарного. Прими же благосклонно все это и, оказывая мне благодеяния, не оставляй меня по обыкновению без твоих утешений, – меня, который целиком живет и дышит тобою, мысленно повсюду с тобой и вообще находится в полной зависимости от твоих благ. Конец.

ТЕКСТ, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ К.Б. ГАЗЕ (ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ?)
(ОР РНБ. Ф. 542. № 73. Л. 1–3 об.)

Μαξίμου τοῦ Κατηλιανοῦ.

Πλείσται μὲν, ὧ φίλη μοι κεφαλή, αἱ ἄνωθεν εὐεργεσίαι τοῦ Θεοῦ, οὐχ ἥκιστα δ' αἱ παρούσαι, καὶ ἐφ' αἷς σοι ἐπιστέλλω. Ἐπειδὴ γὰρ καὶ ὁ κολοφῶν ἡμῖν τῶν κακῶν προσετέθη, τὸ τῆς Ἀγχιάλου εἰς τὴν Τραπεζοῦντα ἄρτι μεταρῥωῆναι (ὧ τίς Ἱερεμίας τὰ καθ' ἡμᾶς ἀξίως ἂν ἀποκλαύσαιτο), μηνός, δὴν οἶσθα, τῇ ἐννάτῃ, δευτέρῃ τῆς ἐβδομάδος ἡμέρῃ, καὶ ὥρῃ ταύτης ὁμοίως δευτέρα, δυστυχεῖ μοῖρῃ λύσαντες, καὶ ἴστια πάντα πετάσαντες, ὀρθίᾳ [sic!] πλῶ διὰ νηνεμίας ὡς ἐπὶ τὸ πλείστον ἐφερόμεθα, πᾶσάν τε ἐκείνην καὶ τὴν ἐπιγεγονυῖαν, μέχρις ἐσπέρας, τριανοσίους μόλις σταδίους ἀνύσαντες. Εἶτα, πρὶν ἢ τὸν ἥλιον ἀκριβῶς ἡμᾶς ἐπιλιπεῖν, καὶ τὰ ὑπὸ γῆν ἐπελθεῖν, ἀθρόος αἴφνης προσραγεῖς λιψ ἄνεμος ἔλαθεν ἐξώσας ἡμᾶς σὺν κλύδωνι· βοῆ δ' ἅμα καὶ θροῦς ἦρθη πᾶσιν ὁμοῦ ξυμμιγῆς, αἴφνης τῆς ἠπείρου ἐκποδῶν γενομένην. Ἐπὶ

Maximi Cateliani.

Plurima, dilectum mihi caput, coelitus beneficia Dei, nec minima haec in praesenti, quorum causa tibi scribo. Etenim, ubi cumulus malis nostris allatus est, ut jam Anchialo Trapezuntem transfretandum esset (o quis Jeremias aerumnas nostras deplorare pro rerum atrocitate queat), mensis, quem scis, die nono, die septimanae altero, horaque ejus item secunda, solvimus aversa avi, velisque omnibus passis cursu recto ventis plerumque intermittentibus plerumque vecti sumus, ita ut toto die illo et postero, usque ad vesperam, aegre stadia CCC. conficeremus. Deinde, prius quam sol penitus discesserat a nobis, ad subterranea se contulerat, repentinus subito irruens Africus ventus nec opinantes nos, fluctibus citatis, in altum expulit, clamor simul ac tumultus ortus est ab omnibus confusus, extemploque e conspectu terra recessit. At nocte media non amplius a

δὲ μέσης νυκτός, οὐκ ἔτι ξὺν
 μειδιάματι ὁ ὕμνος καὶ χαρμονῆ,
 ἀλλὰ σὺν δάκρυσι καὶ ὀλοφυρμῶ,
 ὀμμάτων ἴσσο φόνου σταλαγμοῖς,
 τραγωδικῶς εἰπεῖν²³. Ἦδοξεν οὖν,
 καθαιρετέον τε εἶναι τὰ ἴσσια, καὶ
 τοῖς πνεύμασι τὴν ναῦν ἐκδοτέον· εἰ
 καὶ πρὸς τὸδε δέος οὐκ ἔλαττον
 ὑφώρμα, μὴ εἰς ἀχανὲς πέλαγος
 ἐκριφθῶμεν· ἀέλλαις δὲ τοῦτο χειμε-
 ρίαις εἰλούμενον αἶε, καὶ βαρβάρων
 φύλοις περικυκλούμενον παν-[1 v]
 ταχόσε. Τέως δ' οὖν ἐγκαρσίως, ὡς
 ἐνός, πλεόντες, νῦν μὲν ἐπὶ δεξιᾷ,
 τοὺς οἶακας, νῦν δ' ἐπ' ἀριστερᾷ
 πυκνῶς μετακλίνοντες, ἔγγιστα που
 τῆς τῶν Ταύρων χερσόνησου μετὰ
 πέντε ἡμέρας ἐγενόμεθα. Ἦδη δε
 καὶ τις ἀνατείνας τὰς χεῖρας τῶ ἐν
 οὐρανοῖς προσεκύνει Θεῶ, καὶ ἄλλος
 τῇ Θεοῦ μητρὶ, καὶ συχρὸν μὲν ἦν τό-
 Δόξα σοὶ Θεός, δόξα σοὶ. Πολὺ δὲ συ-
 μφώνως τό· Κύριε, μέχρι τέλους
 σκεπάσον ἡμᾶς, καὶ ὦ Κύριε, σώσον δὴ,
 ὦ Κύριε εὐδόωσον δὴ ἦν γὰρ ἔτι τὸ
 ὑποθράττον, μὴ τι ἀνήκεστον ἐν τῶ
 τέλει ξυμβῆ. Ὡς γὰρ ἔγγιστα γῆς
 ἦμεν, σταδίου ἴσως τέτταρας, φλοῖ-
 σβός τις ἐξαίσιος τῶν κυμάτων τῇ ὄχ-
 θῃ προσαραιτομένων ἐξηκούετο. Τὸ
 δ' οὕτως αἶε πεφυκέναι ἕως ἄν ἀφ-
 υβρίσῃ τὸ πέλαγος, ἐλέγετο· εἶναι δὲ
 καὶ τὸν τόπον ἀλίμενον, καὶ ἀτεχνῶς,
 οἶον Ὅμηρος ναυαγήσαντι τῶ
 Ὀδυσσεῖ ποιεῖ. Καὶ γὰρ δὴ τῶν ἐπῶν
 εὐθύς ἐμνήσθη ἐκείνων, ἐν οἷς
 Δοῦπον ἀκοῦσαι τοῦτον παρὰ
 σπιλάδεσσι θαλάσσης φησίν, ἐρίηρας
 ἑταίρους ὀλέσαντα καὶ νῆα
 γλαφυρῆν ἐνὶ οἴνοπι πόντῳ.

«Ῥόχθῃ γὰρ μέγα κύμα ποτὶ ξερὸν
 ἠπειροιο
 Δεινὸν ἐρευγόμενον· εἴλυτο δὲ
 πανθ' ἀλὸς ἄχνη
 Οὐ γὰρ ἔσαν λιμένες νηῶν ὄχοι,
 οὐδ' ἐπιωγα,
 Ἄλλ' ἀκταὶ προβλήτες ἔσαν,

subridentibus laetantibusque hymnus
 celebratus est, sed cum lacrimis et eju-
 latu, et cum mortis guttis ab oculos, ut
 cum tragico loquar. Denique statu-
 imus, subducenda esse vela, ventisque
 navem permittendam: tametsi in illo
 quoque formido non minor subibat, ne
 in immensum mare ejiceremur, idque
 procellis hibernis omni tempore vagi-
 tatum, a barbarorumque gentibus cin-
 [1 v] ctum undique. Interim oblique,
 quantum poteramus, navigantes,
 clavumque modo dextroversum modo^{*}
 sinistroversum identidem flectentes,
 proxime ad Chersonesum Taurorum
 post dies quinque delati sumus. Ibi
 jam alius sublatis manibus coeleste
 numen adorabat, alius matrem Dei, et
 frequens erat illud: *Gloria tibi Deus,
 Gloria tibi*. Cum primis autem con-
 sonabant haec: *Domine ad finem
 usque obtege nos, et, O Domine serva
 proinde, o Domine, properum iter
 praebe proinde*: suberat enim quod
 perturbaret nos, ne quid diri sub finem
 eveniret. Nam ubi proxime ad terram
 accessimus, ad stadia fortasse quatuor,
 stridor horrissonus fluctuum littori
 allisarum exaudiebatur. Idque semper
 sic accidere dicebatur, donec desae-
 viret mare: esse praeterea locum
 importuosum, ac prorsus qualem
 Homerus Ulyxi naufragium facienti
 fuisse canit. Etenim e vestigio record-
 abar versuum illorum, quibus hunc
*Gemitum ingentem pelagi pulsataque
 saxa audientem facit, tunc cum jucun-
 dos socios perderet curvamque ratem
 per Tethyos arva*:

Namque ingens reboabat littore fluc-
 tus,
 Horrendum eructans, salsaque
 aspergine late
 Omnia rorabant: neque enim statioque
 carinis
 Tuta aderat, curvique sinus: sed
 culmina stabant

²³ Euripidis Hecuba. 240 sq.

σπιλάδες τε, πάγοι τε».

Καί ὡς μόγις (...)

«ἐκ ποταμοῦ λιασθείς²⁴

[2] Σχοίνῳ ὑπεκλήνθη, κύσε δὲ ζείδωρον ἄρουραν»²⁵.

Ἄ δὴ πάντα καὶ ἐπ' ἐμοὶ μάλιστα σαφῶς ἐξέβη, κατὰ πόδας ὁ λόγος δηλώσει. Εἶπες ἂν ἰδόντα τό πάθος ἐκείνο, ταῦτα καταλέξει τὸν ποιητήν. Ὡς γὰρ μικρὸν τῆς πολυποθῆτου γῆς, ὡσεὶ λίθου βολήν, ἀπείχομεν, εἰς μέσον αἴφνης ἀέρα τοῖς τῶν κυμάτων ὄγκοις τὸ πλοῖον ἐξαρθέν, εἶτα βίᾳ καταρράχθην ἐπὶ μῆ τῶν σπιλάδων, καὶ δόξαν ὡς διαρράγειη παρεσγκός, τὸδε ἄρα ἴσον ἀδάμαντος πρὸς πάντα θαυμασίως διήνεγκεν, ἕς τε τὴν ἐπιγενομένην ἄσινες εὐρέθη παντάπασιν. Ἀποβῆναι δὲ εὐθύς αὐτόσε κατηνάγκασε, καὶ ἐπιβριφῆναι τῇ θαλάττῃ πάντας ὁμοῦ, διὰ τε τῶν κυμάτων καὶ τῶν ὑφάλων, εἰ ἄρα ἐξισχύσειαν, ἐκνησομένους προσεχεῖν τῇ ἀκτῇ. Κ' ἀγῶ πάντων ὕστατος, τῷ σταυρικῷ τύπῳ φραξάμενος, καὶ, *Ζωοδότῃ Χριστέ, καὶ, Θεοτόκε βοήθησόν μοι*, καὶ νῦν εἰπῶν, ἐν ὀρθῷ τῷ σχήματι τοῖς κύμασιν ἐμανθόν δεινόν τι καὶ φρικῶδες ἐξογκουμένους τε καὶ ἀφρίζουσι, καθῆκα. Καὶ περιεκλύσθην πρῶτον ἐς μαζόν· εἶτα, πρὶν ἢ καὶ ὀπωσοῦν μεταβῆναι, κύμα ἕτερον ὀπισθεν ἐπιδραμόν, καὶ πολὺ τι τῆς κορυφῆς²⁶ κατέκλυσεν ὑψοῦ· καὶ κατέβαλέ με, καὶ δόξαν παρέσχεν, ὡς αὐτόσε χρεῶν τὴν ψυχὴν ἐρυγεῖν. Ἐπὶ σπιλάδος γε μὴν, ἧς ὑπεκδραμόντος τοῦ κύματος ἀπριξ ὡσπερ ἱερᾶς ἀγκύρας ἀψάμενος, καὶ πρὸς ἑτέραν ἔμπροσθεν ὀφθεῖσαν ἔγγιστα μεταβάς, αὐθις ἤμην ἐν [2 v] τοῖς αὐτοῖς. Καὶ οἶον τὸ πρὸ μικροῦ πάλιν ἕτερον ἐπιβρυὲν κατέκλυσέ τε καὶ παρέσυρε, καὶ τά τε ἀντικνήμια, καὶ

Aspera, et objectis scorpulorum
horrentia saxis.

Ut igitur vix

Digressus fluvio, qua canna palustris auras.

[2] Crescebat, viridi se projiceret in herba.

Inter juncorum stipulos, dans oscula terra.

Quae omnia an potissimum in me perspicuum eventum habuerint, illico demonstrabit oratio. Dixisses ποῆταμ, calamitatem nostram intuitum, haec cecinisse. Nam cum proxime a desiderata terra, lapidis fere jactum, abessemus, in medium subito aërem a tumescentibus undis elatum navigium, ac deinde in unam ex rupibus violenter illisum, tametsi jam in eo esse videretur ut se aperiret, tamen adamantis ritu non sine miraculo adversus omnia sustinuit, postridieque ejus diei omnino incolume inventum est. At tunc ut statim descendarem coëgit, nosque omnes simul in mare conjiceremus, quo per fluctus et brevia ac brevia, si modo possemus, enataturi, attingeremus aggerem littoris. Ego quoque omnium novissimus, ubi crucis signo me muniens *Vitae largitor Christe, et, Deipare juva me*, etiam tunc dixeram, erecto statu in fluctus me dimisi, horrendum terrificumque in modum turgentibus atque spumantibus. Ibi primo aqua mersus sum ad mammam usque: dein, priusquam vel tantillum processerem, alias fluctus a tergo se advolvens obruit longe supra verticem, prostratoque mihi metum intulit, evestigio ibi animam esse eructandam. In saxo interim, cui supra ruente fluctu tanquam sacrae anchorae adhaerebam, ad aliudque ante positum proximeque visum me transferebam, semper eram [2 v.] eodem statu. Fluctusque alius,

²⁴ Odiss. E, 402 sqq. (= Odysseae Carm. V. 402–405).

²⁵ Odiss. E, 461–462.

²⁶ Вместо зачеркнутого κεφαλῆς (примеч. издателя).

ταρσούς, καὶ γόνατα, καὶ ποὺ καὶ χεῖρας, ταῖς σπιλάσιν, οἷα ξιφῶν ἀκμαῖς πανταχῇ τῆς ἐπιφανείας ἐστομωμέναις, ἐπιδρυφῆναι παρεσκεύασε, καὶ ὄλω τῷ πόδε (sic) περιεῖρ' ἀνθαι τοῖς αἵμασιν, ὥστε ἐντεῦθεν ὀδύνας ἐσαυθίς ἔχειν ἐπιπολύ. Ὅμως γε μὴν ἀνακύψας βίᾳ, οὐκ οἶδ' ὅθεν, αὐθίς τε, *Χριστέ βοήθει μοι*, μόλις ἐμπνέων εἰπών, καὶ, *Παναγία μου*, καὶ, *Μέγα Νικόλαε*, ἵνα μὴ καὶ ἄλλο καὶ μείζον ἴσως ἐπεισφρῆσαν ἐπικλύση τε καὶ παρελαῦσαν βυθίση, διανηχομένους περὶ ἐμὲ τῶν ἄλλων ἐνίους ἰδῶν, ἀναθαρσήσας ἤδη κἀγὼ καὶ σπιλάδι τῇ μεγίστῃ μόγις προσβάς, καὶ μικρὸν ἀναπνεύσας ἐπ' αὐτῇ, καὶ τι τοῦ θαλαττίου ἀποπτύσας ὕδατος, τὰ τὸ τοῦ χιτῶνος ποδῆρες ἀναλαβόμενος, διὰ τῶν παρακειμένων οὕτω κατὰ βραχὺ ποσὶ καὶ χερσὶν ἅμα, δίχην καρκίνου, μεταχωρῶν, προσεδόρφην τῇ γῆ. Οὐ δύο τῶν πατριωτῶν, εὐθύς ἐπιδραμόντες καὶ ἡμιθνητὰ με προσλαβόμενοι, ἀνεῖχον ἐπὶ μικρὸν ὁδοῦ. Ἐπ' αὐτῶν γοῦν ἐπιστηριχθεῖς, καὶ παλάμας ἄρας, ὡς οἶόν τε ἦν, ἄνω, *Δόξα σοι*, *Θεὲ μακρόθυμε*, *δόξα σοι*, *δῶα ἐν ὑψίστοις Θεῶν καὶ ἐπὶ γῆς εἰρήνη*, καὶ ἐν ἀνθρώποις εὐδοκία²⁷, περιχαρῶς ἔξεβόησα. *Μέ-[3] γας εἰ, Κύριε*, καὶ *θαυμαστὰ τὰ ἔργα σου*, καὶ *οὐδεὶς λόγος ἔξαπκᾶσει πρὸς ὕμνον τῶν θαυμασίων σου*.

Ὁ δὲ τρισάθλιος ναύαρχος, δυοὶ καὶ αὐτὸς τοῖς τῶν ναυτῶν ἀκμαιοτέροις ἐπιστηριζόμενος, κἀμέ, εἰ περισέσωσμαι καὶ ἀπέβην ἐπιζητῶν, ὡς ἀπληγήκει, σὺν αὐτοῖς ἐς γόνυ πρὸ ποδῶν μου κλιθεῖς, καὶ χεῖρας ἅμα καὶ στήθος καὶ πρόσωπα σὺν ὀλοφυρμῶ καὶ χαρᾶς δακρύσι κατασπασάμενος, ἐμὲ τε καὶ πάντας κεκίνηκε πρὸς πένθος ἄφατον, καὶ δακρύων κατὰ ποταμοὺς ἐκροάς ὥστε σφόδρα τι ἄτοπον δοκεῖν τὸ

qualis superior, advolutus, obruit me et avulsit, effecitque ut tibiae, tali, genua, manus denique saxis, ut gladiatorum mucrones undique per superficiem horrentibus, lacerarentur, pedesque toti cruentarentur sanguine ut inde diu post dolore afficerer. Sed tamen vi me attollens, nescio quo pacto, postquam vix spirans clamaveram, *Christe juva me*, et, *Sanctissima mea*, et, *Magne Nicolaë*, ne fortasse alius ac major fluctus irruens obrueret me et abreptum mergeret, praeternantes circum me nonnullos alios conspicatus, animo jam resum(p)to ego quoque cum ad saxum maximum aegre accessissem, paululumque respirassem super illo et aquae marinae partim exspuissem, sublata tunicae instita, per familiares sic paulatim pedibus manibusque simul, cancri ritu, progressus, in terram ejectus sum. Ubi duo e popularibus, statim accurrentes, mihi que semimortuo se adjungentes, per breve viae spatium me sustinuerunt. Illis igitur innixus elatis palmis quantum poteram sursum, *Gloria tibi*, laetanter exclamavi, *Deus longamine*, *gloria tibi*, *gloria Deo in excelsis*, et *super terram pax*, et *spes bona hominibus*. *Magnus es, Domine*, et *miranda opera tua*, [3] et *sermo nullus sufficient ad celebranda miracula tua*. At infelix navarchus, duobus ipsa quoque nautis validioribus suffultus, meque, an salvus essem atque elapsus, requires, ut offendit, una cum illis, genu ante pedes meos flexo, manus simul, pectus, faciem cum plangore et laetitiae lacrimis osculatus, tum me tum omnes ad luctum ineffabilem lacrimasque ritu fluminum profundendas commovit: ut prorsus intempestiva videretur nostra ratio, in tanto gaudio, postquam praeter spem effugeramus exitium, ejulatu sublato lamentari. Reliqua turba, sese arenamque amplexantes et (lacrimis) con-

²⁷ Luc. II. 14.

ἡμέτερον, ἐν τοσῆδε χαρᾷ, καὶ παρὰ δόξαν ἀποφυγῆ τῶν δεινῶν, διωλύγιον ἀναβαλλομένους θρηνεῖν. Οἱ δὲ πολλοί, ἀλλήλους τε καὶ τὴν ψάμμον περιπτυσσόμενοι καὶ περιπάτοντες, τὴν φίλην ἐγκύπτοντες κατησπάζοντο γῆν, ὥσπερ ἔμψυχον οὖσαν μητέρα, καὶ πολλάκις τό, Δόξα σοι ὁ Θεός, ὁμόφωνον ἄπασιν ἦν, καὶ, Δόξα σοι δέσποινα Θεοτόκε, κυρία τῶν ἁγίων ἀγγέλων, καὶ, Εὐλογητὸν τὸ ὄνομα τοῦ Θεοῦ. Ὡς ἂν δὲ μὴ αὐτόσε τῷ ψύχει λειποθυμοῦντες τὸ ζῆν ἐκμετρήσωμεν, ἐπεὶ καὶ περὶ ὄρθρον ἦν ἤδη, διὰ πετρῶν ἡλιβάτων καὶ ὄρων, καὶ τριβόλων καὶ τελμάτων συχνῶν καὶ χειμάρρων κατὰ μικρὸν τὴν πορείαν ποιησάμενοι, τότε μὲν μόγις περὶ μεσημβρίαν ἐν ὄρους ἄκρα κορυφῇ πόλει τῆς Χερρόνησου Σάρατ²⁸ κα-[3 v] λουμένη προσέσχομεν, πένθους ἀφορμὴ καὶ θέαμα ἔλεινόν τοῖς ἐκεῖσε καὶ συχνῶν δακρύων ἄξιον ὀφθέντες, ἕς τε τὴν ἐπιούσαν εἰς Θεοδοσίαν. Καὶ ἐν ἡμέραις αὐθις ἐφεξῆς ὀκτὼ ἐξ αὐτῆς διὰ κινδύνων καὶ πόνων μυρίων, ἐπὶ Λατινικῆς ὀκτάδος, συχνὰς μεταξὺ πόλεις παραλίους καὶ μὴν καὶ ποταμῶν ἀενάων ἐκβολὰς μεταμείβοντες, μόλις τῇ Τραπεζοῦντος πόλει περιεσώθημεν, καθ' ἣν ἐσπέραν ἢ τοῦ μεγίστου μάρτυρος Δημητρίου μνήμη τελεῖται. Τοιαῦτα τὰ περὶ ἡμᾶς τοῦ παναγάθου καὶ φιλανθρώπου Θεοῦ θαῦματα, τασαῦται αἱ πρὸς ἐμὲ τὸν ἀχάριστον εὐποιῶν καὶ χάριτες. Σὺ δὲ ταῦτα εὐμενῶς προσδέχου, καὶ ταῖς ἐξ ἔθους παραμυθίαις εὐεργετῶν με μὴ διαλίπης, ὅλον καθάπαξ σοὶ ζῶντα, καὶ σὲ πνέοντα, καὶ τῷ νῷ περιφέροντα, καὶ ὅλως τῶν σῶν ἐξηρτημένον καλῶν.

Τέλος.

spergentes, prostrati caram terram exosculabantur tanquam viventem matrem, atque saepe illud, *Gloria tibi Deus*, una omnium erat vox, itemque hoc: *Gloria tibi, regina Deipara, domina sanctorum angelorum, et Benedictum sit nomen Domini*. Tamen, ne ibidem frigore enecti vitam terminaremus, cum fere jam dilucesceret, per rupes altissimas, montes, senticeta, lacunas frequentes, torrentesque paulatim facte itinere tunc aegre circa meridiem in summo montis vertice ad oppidum Chersonesi nomine Sarat pervenimus, [3 v] causa luctus et spectaculum miserabile oppidanis lacrimisque plurimis dignum visi. Inde postridie Theodosiam itum. post dies autem octo eo ex oppido, per sexcenta pericula et labores, navi Latina, multas interim urbes maritimas fluminumque jugiter manantium ostia praetervecti, vix in Trapezuntis civitatem pervenimus incolumes, vespera qua magni martyris Demetrii memoria celebratur. Haec sunt in nos ter optimi atque clementissimi Dei miracula, tanta ejus in me ingratum beneficia et gratiae. Tu vero suscipe haec benigne, et quibus consuesti solutiis afficere ne intermitas me, totum plane tibi viventem, te spirantem animoque circumferentem, prorsus denique tuis ductatum restibus.

[Finis].

²⁸ Apud Constantinum Porphyrogenitum De administrando imp. 42 F. est Σάρατ δευτὸνως.

К сожалению, нам неизвестно, какое впечатление произвело в Петербурге сочинение К.Б. Газе, хотя его самого это, безусловно, интересовало (как и нас, впрочем). В письме от 24 июля 1816 г. к акад. Ф.И. Кругу (доверенному лицу графа Н.П. Румянцева, через которого главным образом и велась вся переписка) Газе пишет следующее (в переводе с немецкого): «Канцлер был весьма любезен написать мне несколькими неделями раньше и спросить меня о некоторых филологических и библиографических проблемах. К сожалению, я смог дать ему лишь весьма неполную справку. Попросите, чтобы и Вам показали то, что я сказал в моем ответе об идентичности Сура, Сарата и Судака. Мне любопытно, покажутся ли Вам мои предположения убедительными»²⁹. В бумагах акад. Круга сохранился черновик его письма к Газе от 12 мая 1817 г. (они переписывались по-немецки), в котором он упоминает о получении от Газе выше цитированного письма (от 24 июля 1816 г.) и о своих трех ответных письмах к Газе (от 9 августа 1816 г., от 27 декабря 1816 г. и от 19 марта 1817 г.), высказывая в то же время обеспокоенность, что Газе не откликнулся на них ни строчкой (*habe ich keine Zeile mehr von Ihnen gesehen*), и поэтому он (Круг) находится в немалой тревоге (*in nicht geringer Besorgniss*), не болен ли Газе. «И канцлеру, – добавляет Круг, – Вы со времен Вашей статьи о Судаке (*seit Ihrem Aufsätze über Sudak*) больше ничего не сообщали, и он в полном неведении относительно того, как обстоит дело с Львом (Диаконом), которого он давно и тщетно ждет»³⁰. Было бы в высшей степени интересно знать, что же содержалось в отправленных Кругом к Газе письмах (включая и вопрос, не сообщалось ли о передаче материала с какими-либо целями А.Н. Оленину), но черновики их как будто не сохранилось, как и «чистовиков». Остается надеяться, что однажды и это прояснится³¹.

ПРИЛОЖЕНИЕ И.И. ШЕВЧЕНКО К СТАТЬЕ И.П. МЕДВЕДЕВА

Игорь Павлович Медведев, неутомимый исследователь архивов по истории русской византистики, подарил нам еще один документ – рукописный вариант письма о бурном плавании некоего Максима Катилианоса. Новонайденная рукопись написана рукою К.Б. Газе, подарившего миру так называемую «Записку Готского топарха».

Игорь Павлович, сомневаясь в подлинности письма Катилианоса, обратился к «научной общественности» в просьбой помочь в решении вопроса об аутентичности этого письма. Заполучив машинопись статьи Игоря Павловича, я предпринял в октябре 2006 г. однодневную поездку в Париж, где мне удалось обнаружить рукопись, которая и стала источником письма Катилианоса в сочинении Газе.

Ответ вкратце таков. Письмо Катилианоса основано на *Oratio Gratiosa* Иоанна Евгеника, брата Марка Евгеника, известного участника Флорентийского собора. Текст Иоанна был издан Сп. Ламбросом в 1912 г.

Речь представляет собой благодарение Христу за спасение от бури во время плавания из Венеции в Константинополь, случившегося в 1438 г., в ко-

²⁹ Медведев И.П. Письма Карла Бенедикта Газе в архиве Ф.И. Круга. С. 538 (№ 7).

³⁰ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 213.

³¹ Благодарю О.А. Барынину за компьютерное оформление текста статьи.

тором автор чудом избежал кораблекрушения. Письмо Катилианоса представляет собой не просто пересказ этих событий; оно содержит целый ряд пассажей, дословно заимствованных из Иоанна Евгеника. Один из этих пассажей приспособлен таким образом, чтобы удовлетворить интересы графа Румянцева, благотворителя К.Б. Газе.

Рукопись, которая явилась источником Газе, – это *Parisinus graecus 2075*, на листах 244–282 которой читается *Oratio Gratiosa*. Из собственноручных маргиналий Газе к этой рукописи явствует, что ученый ею пользовался; а загадочные пометы «*fol. 274 verso*» и «*fol. 275 verso*», которые мы встречаем на полях написанного рукой Газе письма Катилианоса, найденного Игорем Павловичем Медведевым, прямо указывают на листы *Parisinus graecus 2075*.

Теперь можно с уверенностью утверждать, что К.Б. Газе – автор по крайней мере одной подделки, сделанной с целью удовлетворить исторические интересы графа Румянцева. Это утверждение также проливает новый свет на *modus operandi* Газе и, как кажется, позволяет закрыть дело о «Записке Готского топарха». Обо всем этом мы напишем в более подробном обсуждении замечательного открытия Игоря Павловича, которому выражаем нашу глубокую благодарность.

Игорь Шевченко
13 декабря 2006 г.